

Федот Барковский

Диктатор

и

палач

Федот Барковский
Диктатор и палач

«Автор»

2026

Барковский Ф.

Диктатор и палач / Ф. Барковский — «Автор», 2026

Постаревший диктатор собирается уйти на покой и передать власть сыну, но тот не заинтересован во власти, однако диктатор не желает слушать возражения и угрожает разлучить с семьёй. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, сын примыкает к заговору против диктатора...

Содержание

Глава первая: август шестого	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Диктатор и палач

Глава первая: август шестого

Продолговатый, но довольно узкий кабинет с серыми стенами, массивным столом в конце кабинета со старым креслом и портретом вождя над ним в сосновой рамке. Тут был и второй стол - в небольшом углублении слева от двери. За этим столом сидел хозяин кабинета и завтракал - бутерброды с толстыми кружочками колбасы и крепкий чай - когда в кабинет без стука вошёл худощавый мужчина в штатском, с одной золотой звездой на петлице. Под носом у него была щётка черных усов.

- Трофим, контрика спустили. - он помахал в воздухе делом. - Приговор привести в исполнение немедленно.

Трофим улыбнулся, вытер руки и губы салфеткой после чего встал из-за стола.

- Молчаковец, кирилловец, республиканец, иностранный шпион?

- Второе. Вот его дело.

Они шли вдоль по длинному коридору, тускло освещенному потолочными лампами под толстым стеклянным куполом. Трофим на ходу просматривал дело, в то время как его помощник пересказывал её содержание, закуривая при этом.

- Смертник. Устин Дормидонтович Жмых. 1906-го года рождения, село Малая Кесь Омского уезда Акмолинской области, из крестьян-середняков, русский, не женат, ранее не судим. В партии не состоит. Вообще ни в каких партиях не состоит. Задержан при попытке заминировать кабинет первого секретаря Омского облисполкома, показания дал только после применения психотропных средств. Действовал в составе небольшой группы, но это не наше дело. Пока.

Они вошли в дверь, на которой какой-то шутник от руки написал "расстрельная". В "расстрельной" стояли двое здоровых мужчин в форме и непроницаемыми лицами. Между ними, облокотившись спиной об стену, стоял Жмых. Лицо его было одним сплошным синяком, да и сам он выглядел так, будто попал под танк.

- Свободны. - сказал Трофим и двое с непроницаемыми лицами вышли. - Михалыч, ты знаешь, что делать.

Михалыч привычным жестом повернул Устину лицом к стене. Тот обернулся и сверкнул глазами. Оскалился. И запел: "Боже, храни императора!".

Михалыч усмехнулся и вцепился руками в плечи Жмыха, вжал его в стену и, насколько мог, отодвинулся в сторону. Трофим отошёл к стенке, проверил свой наган, вскинул руку и попал Устину точно под левую лопатку, убив его на месте. Михалыч отпустил обмякшее тело и оно сползло вниз, после чего нажал на кнопку, которая находилась на стене.

Исполнив приговор, они вернулись в кабинет. Трофим послал секретаря поставить чайник, а Михалыч достал из карманов несколько завёрнутых в бумагу бутербродов с сыром. Когда чайник вскипел, они заварили себе ещё по стакану чая и вернулись к прерванному завтраку.

- Трофим, вот сколько лет мы исполняем приговоры, но я только сейчас задался вопросом: а куда деваются трупы? Не знаешь часом?

Трофим пожал плечами.

- Во времена империи трупы казнённых отдавали их родным, которые могли поступать с ними по своему разумению. Может, и сейчас так.

- Я думаю, что если бы это было бы действительно так, то от нас бы это не скрывали. Ходят разные слухи по этому поводу, например, что мясом расстрелянных кормят доберманов нашего наркома, или что где-то здесь находится, в звукоизолированной комнате, гигант-

ская мясорубка, которая размалывает тела казнённых в фарш, а потом этот фарш спускают в Москву-реку.

- Спускают в Москву-реку? Как-то не практично, да и в таком случае и ГЭС постоянно засорялась бы. Я предлагаю объединить эти два слуха в один: где-то здесь в звукоизолированной комнате находится гигантская мясорубка которая размалывает тела казнённых в фарш, которым кормят доберманов нашего наркома. И если тебе так интересно, пошёл бы и спросил.

- Тебе не хуже нас известно, что нарком ввёл строгую изоляцию одних отделов НКГБ от других, если это не мешает работе. Ну вот пойду я, спрошу из праздного любопытства, а на меня посмотрят так подозрительно: а не шпион ли ты, Михалыч?

Трофим засмеялся.

- Ну установят за тобой слежку, ну проверят твои контакты, поймут, что всего лишь любопытная Варвара, а не шпион, и отстанут.

- Всё это так, но я не хочу платить крупный штраф за то, что впустую тратил время наших органов.

- Да, про штраф я забыл. Слышал последние новости? Правительство Франции предложило не вмешиваться в испанский конфликт.

Михалыч не успел ответить, так как в дверь громко и напористо постучали.

- Войдите. - на правах хозяина кабинета сказал Трофим.

Дверь открылась и на пороге появился подтянутый белобрысый парень с фуражкой набекрень.

- Старший лейтенант госбезопасности Жмурик! - представился он. - Кто из вас товарищ Галин?

- Товарищ Галин - это я.

- Товарищ Емелин просит вас незамедлительно прибыть к нему в кабинет!

Трофим с Михалычем переглянулись.

- Так уж и незамедлительно?

- Прислал за вами правительственный автомобиль!

- Правительственный автомобиль... В таком случае я закончу завтрак в правительственном автомобиле. Михалыч, будь другом напечатай отчёт об исполнении приговора за меня. Ну, води меня... Жмурик.

Когда они вышли, Михалыч остался один в кабинете. Он спокойно доел свой нехитрый завтрак и принялся запихивать в печатную машинку листы бумаги.

Глава вторая: в палатах Квиринальского дворца

Королевская спальня была обита синим и зелёным бархатом, стены украшали подлинники из галереи Уффици и ручной работы гобелены, на полах были раскиданы ковры, так же ручной работы, и шкуры диких хищников. Вся мебель была инструктирована слоновой костью, драгоценными металлами и камнями. В общих чертах, поражала неподготовленного зрителя своей роскошью и безвкусицей.

Сам хозяин кабинета, "Его Величество Томмазо Филиберто I Джакомо Мария Владимиро Грегорио, король Италии и Сардинии, наследник Кипрский, Иерусалимский и Армянский, герцог Савойский, принц Кариньяно, Пьемонта, Онелли, Пойрино, Трино, имперский князь Священной Римской империи германской нации и прочая и прочая и прочая...", вальяжно сидел в глубоком зелёном кресле, закинув ногу на ногу. Король был одет в зелёный с золотом халат на голое тело, парусиновые туфли белого цвета на босу ногу, цепь на шее и звезда под лацканом ордена Аннунциаты, а голову венчала Железная корона. У него было приятное, чисто выбритое лицо с острыми чертами и серые глаза, внимательно изучавшие каждого собеседника.

Томмазо Филиберто покуривал изогнутую трубку из красного дерева, чаша которой была сделана в виде головы дракона. Напротив него, в таком же зелёном кресле, сидел блондин в

распахнутой военной форме уже не существующей русской императорской армии (черного цвета с серебристыми эполетами и серыми вставками на обшлагах и воротниках), увешанной наградами, и его брови и усы тоже были пшеничного цвета. В глаза бросался старый шрам, наискось пересекавший лицо. Это был родственник короля по матери, император в изгнании Кирилл Александрович, Кирилл I, а для кого-то просто: Кира. До революции он был известен как великий князь Суздальский. Молодому королю было двадцать три года, Кирилл был старше его на девятнадцать лет.

- Начиная с сознательного возраста, я постоянно думаю: а кем является мой биологический отец: король Гумберт или тогда ещё наследник Генуэзский принц Фердинанд? Слухи по поводу моего отцовства пошли уже тогда, когда я ещё и не родился. Действительно, кто отец? В мужскую силу короля мало кто верил, а вокруг королевы Ольги постоянно вертелся красивый и молодой наследник Генуэзский принц Фердинанд. И знаешь, Кира, к какому выводу я пришёл?

Говорили они на русском языке, и оба без акцента. Томмазо Филиберто многое вменялось в вину: непомерные расходы двора, чрезмерное влияние матери, грубое обращение со всеми, страсть к изысканию музейных ценностей для личной коллекции, но чаще всего общественность ругала его за то, что он говорит по-итальянски с очень заметным акцентом.

На самом деле в этом нет ничего удивительного: Ольга Владимировна после рождения сына забрала его от отца и воспитала сама, в окружении людей, которые вместе с ней выехали в Рим. Ольга, конечно, понимала, что её сын станет королём и должен отлично знать язык своей страны, но так вышло, что маленький Томмазо приступил к изучению итальянского языка в шесть лет и его младший брат Карло-Альберто владел им лучше старшего брата.

- Какому?

- Да какая разница, кто мой папаша: король Гумберт или принц Фердинанд Генуэзский, так и так я происхожу из древнего и уважаемого Савойского дома. Гумберт мёртв, а мой гипотетический папаша, судя по всему, станет королём Испании, если этот бардак не закончится плачевно.

Томмазо Филиберто наклонился вперёд, к журнальному столику, и принялся заново набивать трубку.

- Фома, а кем тебе приходится король Амадеос II?

- Этот испанский неудачник? Дай-ка подумать, э... чёрт его знает. Но нынешний герцог Генуэзский и потенциальный король Испании, Фердинанд, приходится Амадеосу II уже троюродным дядей. Вот такие вот династические загогулины. А знаешь, моя мать - верная женщина. Думаю, ей просто не повезло с первым браком.

- Сначала Ольга Владимировна должна была стать моей супругой, так как было очевидно, что я рано или поздно взойду на престол. Но появилось предложение короля Гумберта и Оля проявила волю. Да, она не была верна своему первому мужу, но всегда была верна своему любовнику и от него требовала верности. Был ли Фердинанд твоим отцом, или не был, но Оля через несколько лет охладела к нему и обратила свой взор на небогатого дворянина Стефано Абриелли. Но в один из дней она застала его в постели с другой и обоих убила, разбив им головы об каменные плиты пола дворца в Монкальери.

Томмазо Филиберто передёрнуло.

- Действительно, жуткая история. - продолжил Кирилл. - Шёл 1919 год и, если бы король Гумберт не влез в очередную внешнеполитическую авантюру, то скандал был бы не шуточный. А так парламент, опасаясь последствий этой авантюры, объявил ещё не старого монарха маразматиком, а регентом при нём - королеву Ольгу. Видимо, испугались её гнева. Не знаю, может, и по этой причине другие члены Савойского дома не стали возражать. А что касается твоего официального папаша, то он пытался оказать сопротивление, но быстро сдался и от горя взаправду впал в маразм.

- В этом году моей маме повезло и на личном фронте - на богослужении она заметила маркиза Флавио делла Вальсинни. Это была любовь с первого взгляда, не смотря на то, что ей было тридцать, а ему - шестнадцать. Флавио быстро пошёл в фавор и использовал своё положение любовника правительницы Италии не для личного обогащения, а для получения высшего образования. Он хотел учиться и было понятно, что этот фаворит - не совсем обычный фаворит.

- Наш Флавио представитель чёрной знати и всё своё политическое влияние он направил на действительно благое дело - решение Римского вопроса. И в 1924 году город-град Ватикан был образован, а Римский вопрос - разрешён. Оля всё больше очаровывалась Флавио и не мудрено - он приятный человек, лёгкий в общении, не злой и не злопамятный, честный. Я удивлён, что такие люди ещё остались.

- На совершеннолетие мама подарила ему титул князя Беневенто, а в 1926 году назначала премьер-министром. Было много недовольных: как так, премьер-министром - мальчишку?! Но Флавио посрамил недовольных - уже почти десять лет прошло и он справляется прекрасно.

- А ещё четыре года спустя король Гумберт приказал долго жить и через два месяца Флавио и Оля обвенчались. Разыгрался нешуточный скандал наверху, в то время как простые итальянцы скорее сочувствовали королеве. Парламент лишил её регентства и объявил нового короля совершеннолетним, потребовал Флавио подать в отставку, а от короля - лишь мать королевского титула. Но ты, Фома, не смотря на юный возраст, пошёл на перекор решений парламента.

Томмазо Филиберто улыбнулся.

- По матери я - русский принц, а там этот брак не считался бы мезальянсом. К примеру, мой дед, Владимир XVII, не вникая в возражения матери, австрийской принцессы и вдовствующей императрицы, выбрал себе жену из русских дворянок. Замечательная древняя традиция... Так вот, я признал свою маму вдовствующей королевой с соответствующим обращением, её второй брак и не только не принял отставку Флавио, но и сделал членом королевской семьи, дал титул герцога Аоста и обращение "ваше королевское высочество". Парламент и даже инертное правительство было в ярости и это самое правительство в полном составе ушло в отставку, ну, кроме премьер-министра, конечно. А я...

Тут в дверь постучались. Томмазо Филиберто повернулся и спросил:

- Да-да?

Дверь приоткрылась и в щель протиснулось кислое лицо с седыми бакенбардами.

- Его светлость граф Бордовский просит приёма у Его Величества императора Великорусского.

Томмазо Филиберто махнул рукой.

- Пусть войдёт, здесь все свои.

Лицо исчезло и в спальню вошёл голубоглазый и русоволосый военный в форме уже не существующей русской императорской армии (такой же, как на Кирилле), увешанной наградами и застегнутой на все пуговицы. Он бросил перчатки на красный пуф и в пояс поклонился, приложив руку на сердце, сначала своему императору, а потом итальянскому королю.

- Привет мой верный граф, садись, расскажи.

Граф Бордовский поставил другой пуф, лилового цвета, у журнального столика и обвёл двух монархов - действующего и в изгнании - насмешливым взглядом.

- Перед тем, как мы приходим на торжества по поводу бракосочетания королевы Ольги и Флавио шестого августа, вы садитесь и из года в год говорите об одном и том же, произносите одни и те же фразы. Вам не кажется это поведение странным?

- И это говорит тот, кто сам очень странный тип?

- А, Фома Гумбертович, подловили, но вот только я не считаю себя странным.

- Ну будет вам, скажи лучше, мой верный граф, удалось ли примирить тебе монсеньора Пачелли и монсеньора Старградского?

- Было трудно. Никто не знает, сколько времени отведено Пию XI, а монсеньор Старградский, как стало понятно, видит себя его преемником, и это накладывается на старые обиды...

Президент государства, занимающего половину маленького острова в Карибском море, был взволнован как никогда. Завтра с дипломатическим визитом прибудет глава большой державы и от него зависит, будет ли КША и дальше вмешиваться во внутренние дела чужой, а главное формально суверенной страны, или их разбою придёт конец.

Президент не спал. Слишком важной была встреча, слишком слабыми были нервы президента. Однако он верил в счастливую судьбу страны, доверенной ему народом.

Часы пробили полночь. Настало шестое августа.

Президента звали Стефан Жозеф Серват.

Глава третья: Иванов

Средних размеров пароход мирно покачивался на волнах, огибая остров Гонав. Он имел сразу два названия: на одном боку значилось "Генриетта Пресбург", на другом - "Красный Гельсингфорст". Главный пассажир в силу возраста и влияния имел право на подобные чудачества.

На палубе парохода стоял Осип Васильевич Иванов. Это был высокий пожилой человек с обрюзгшим лицом, очень полный, с венчиком седых волос. Он был одет в лёгкий белый костюм, в туфли и панаму жёлтого цвета. Пухлыми руками, обильно покрытой старческой пигментацией, он упёрся в перила всем своим весом, стараясь невооружённым глазом разглядеть пункт назначения, и каким-то чудом не вывалился за борт.

Рядом с ним стоял человек возрастом в сорок один год, одетый с иголки в форму офицера госбезопасности. У него было красивое волевое лицо, густые волосы аккуратно зачесаны, сапоги блестели: начальник личной службы безопасности председателя ЦИКа и наркома НКВД, героя революции Осипа Васильевича Иванова Николай Иванович Ёжик выглядел, как и всегда, безупречно. В отношении к Иванову он имел некоторую вольность, так как числился не в НКВД, а в НКГБ.

В порту Порт-о-Пренса их встречал министр иностранных дел Республики Гаити Клод Шруба. Это был сутуловатый чиновник в потёртом фраке и цилиндре, который явно был ему великоват. Он стоял рядом с белым четырёхдверным президентским кабриолетом "Cadillac V-12", за рулём которой сидел маленький негр в военной форме, с вытянутой челюстью и глубоко посаженными глазами, на которые была натянута фуражка. В нескольких шагах располагался огромный грузовик с охраной и другой грузовик, попримичнее, для багажа гостей.

Осип Васильевич спускался по трапу опираясь на трость с золотым набалдашником, сделанную из слоновой кости. Шедший вслед Ёжик, и так бывший невысокого роста, рядом с его двухметровой и массивной фигурой казался просто карликом. За ним шла охрана из восьми человек, половина следила за начальником и главой государства, другая половина следила за тем, чтобы портовые носильщики не разворовали багаж.

После обычных дипломатических приветствий оказавшийся очень суетливым министр Шруба усадил гостей на задние сиденье кабриолета, их охрана разместилась в грузовике с багажом.

Шруба говорил на русском языке с ужасным акцентом, но на удивление правильно, без всяких ошибок.

- Ваш посол только сегодня на поезде прибывает из Сан-Доминго. - объяснил Клод Шруба.

- Знаю. - кивнул Иванов. - Как глава государства сам же его туда и отправил.

Они въехали в город. Если на окраинах столица мало чем отличалась от обычной деревни, на улицах свободно ходил скот, встречались огороды, то ближе к центру появлялись заасфальтированные улицы, фешенебельные особняки, ночные клубы, рестораны, отели. Скот и огороды исчезли, а угрюмые лица населения сменялись более весёлыми.

У собора Нотр-Дам висел в петле мёртвый человек с табличкой на груди. На его голове сидела, нахохлившись, неопределенного вида птица, вымазанная в чём-то чёрном, и старательно выклевывала тому глаза. Поймав заинтересованные взгляды гостей, Шруба объяснил:

- А это мой предшественник на посту министра. Он совершил аморальный поступок и был наказан.

Гостей такое объяснение полностью удовлетворило.

Они проехали мимо Президентского дворца и вскоре выехали из города.

- Президент проводит летний сезон в своей загородной резиденции Сан-Суси дю Версаль, куда ведёт единственная асфальтированная дорога за чертой города. - снова объяснил Шруба. - Сначала вас разместят в пятизвёздочном отеле "Дессалин", отдохнёте с дороги, а вечером встретитесь с президентом.

- Слушайте, Шруба, пейзажи у вас, конечно, превосходные, бананы, зелень, птицы, звери и всё такое, но расскажите-ка что-нибудь интересное из истории вашей страны. - попросил Осип.

- Что-нибудь интересное?.. - задумался Шруба. - А как вам история о том, как Гаити чуть не обрёл белого императора? Сам был свидетелем этих событий.

Иванов кивнул и Шруба продолжил.

- Во время моей молодости я был помощником камергера при дворе, когда Жозеф II сделал меня личным камердинером своего нового фаворита Пьера Виркуса. О, история этого человека достойна страниц авантюрного романа. Простой польский шахтёр, овдовев, решил в поисках лучшей жизни со всей семьёй перебраться в САСШ, но денег на такое количество билетов у него не было, и он решил договориться с капитаном сухогруза. Договорились, но недобросовестный капитан привёз их не в Нью-Йорк, а сюда, в Порт-о-Пренс. Неизвестно, что стало бы с Петром Виркусом и его с семьёй, не попадись они в тот же день на глаза министра двора герцога дю Нор, как раз посещавшего порт по греховным делам. В этот раз он решил прервать дела и представить Жозефу II семейство Виркусов. Непонятно, что за мысль в тот момент осенила голову министра, но в правительстве императора многие были с приветом. Итак, Виркусы предстали пред светлыми очами Его Величества, который тут же престился Фелицией, дочерью Петра Виркуса, и сделал её своей наложницей. Пьер (так Пётр стал именовать себя на французский манер) получил от Жозефа II солидный пансионат, несколько гектаров хорошей земли, стал князем Энш и кавалером Большого креста ордена Святого Фостена. Прекрасная полячка была умна и, очень скоро приобретя на императора безграничное влияние, поспособствовала назначению отца на пост министра двора и члена Государственного совета. Жозеф II, мало того, что сам был бездетен, так ещё являлся последним представителем дома Сулуков. Фелиция убедила его в том, что её младший брат Фаустин является реинкарнацией императора Фостена I. Фаустин Виркус стал императорским принцем, наследником престола Гаити. Это знать терпеть не стала и, зачем-то объединившись с народными массами, устроила революцию, но потеряла контроль над ситуацией и была провозглашена республика. Ну а Пётр Виркус и его семья, бросив своего благодетеля, смогли сбежать с награбленным состоянием и вернулись в родную Польшу миллионерами. Конец.

- Как говорят у нас на Руси: не было бы счастья, да несчастье помогло. - впервые за время пребывания на острове Николай разомкнул уста, и сделал он это с улыбкой. - Кстати, забегали солдаты.

- Это они отпирают ворота - вход на территорию Сан-Суси дю Версаль строго охраняется.

Они, не сбавляя скорости, въехали на территорию, окружились среди садов и газонов, и остановились у большого пятиэтажного здания розового цвета, перед которым на гранитном постаменте стоял бронзовый Дессалин.

- Вот здесь вы будете жить. - объявил Шруба, вылезая из машины. Осип вылез следом (далось ему это с трудом), а Николай остался на месте.

- Скажите, Шруба, а водитель и этот автомобиль в полном моём распоряжении? - спросил он.

- Ну, скорее да, чем нет... - неуверенно начал было отвечать Шруба, но Николай его перебил.

- Слышал, машинист? Гони прямо к президенту!

Машина с диким визгом сорвалась с места, оставив опешившего Шруба наедине с Осипом, стоявшим на пороге отеля. Осип хохотнул и шлёпнул своей огромной ладонью министра по плечу, да так, что он присел.

- В этом весь мой Коля. Всё делает за меня. Ну, товарищ Шруба, охрана наша подошла, теперь показывайте мои комнаты.

Пока Иванов устраивался на новом месте, Николай с боем прорывался к президенту. Охрана не верила его словам и документам, дело бы точно дошло до перестрелки, но всех спасло появление президента.

- Всё в порядке, это ко мне. - сказал он своей охране, после чего обратился к Николаю. - Николай! Я ждал вас и вашего начальника в десять вечера!

Николай, не смотря на незаконченное среднее образование, свободно изъяснялся на четырех языках. Одним из них был французский.

- Вы ведь понимаете, что эта встреча важна исключительно для вас?

- Понимаю, но...

- Мы встретимся с вами послезавтра, а пока - отдыхайте.

И, не дожидаясь ответа, повернулся к президенту спиной и вышел. Президент с недоумением посмотрел вслед Ёжику, потом вздохнул:

- Чтож, он прав. Нам кровь из носу нужна помощь сильной державы, так что они вправе устанавливать свои правила. По крайней мере, они, не в пример конфедератам, не лезут в нашу политику.

Николай сел в автомобиль, в этот раз на переднее кресло, и обратился к водителю:

- Твоё имя, товарищ?

- Мишель.

- Вези меня, товарищ Мишель, в самые злые места Порт-о-Пренса. Гнать на полной скорости и нарушать правила дорожного движения я тебе разрешаю...

Николай вернулся в отель "Дессалин" поздно ночью и сразу заглянул к Осипу. Тот не спал, а сидел в синем халате и читал "Известия".

- Я смотрю, вы уже обустроились, Осип Васильевич.

Николай принялся по-хозяйски расхаживать по комнате, осматривая и постукивая.

- Зря мы всё это затеяли, Коля. Не думаю, что твой план сработает.

- А что в нём не так? - спросил Николай, не прекращая своего занятия.

- Сам посуди. Пока мы тут отсиживаемся, твой брат Иван, так же сотрудник органов, должен найти и убедить какого-то нестабильного человека застрелить Емелина. Когда это произойдёт, мы немедленно возвращаемся в Москву и ЦИК, председателем которого являюсь я, назначит на освободившуюся должность лояльную мне кандидатуру...

- А если план провалится, то пострадает лишь мой брат. Думаешь, хоть кто-то поверит его словам?

- Подойди ко мне, Коля. - попросил Осип, а когда Николай подошёл, то взглянул ему в глаза (сделать сидя это было просто, особенно для такого гиганта, как Иванов - рост Николая Ивановича был полтора метра) и спросил:

- Ты говоришь, что тебе невыносимо смотреть, как учителя ученик отодвинул на второй план. Но мне уже восемьдесят один год и сдаётся мне, Коля, что у тебя своя игра.

Николай не выдержал и отвёл взгляд. Иванов видел людей насквозь и был сто раз прав - игра у Николая и в самом деле была своя, в которой Осип был лишь мостиком к его цели.

Усмехнувшись, Осип снова погрузился в чтение.

- Делай, как знаешь. Давно пора проучить этого зазнавшегося мальчишку.

Глава четвёртая: два звонка

По улице Серафимовича Мануил Трухич шёл хмурый и озлобленный. В левой руке сжимал портфель, на груди тускло блестели ордена.

Между тем погода не соответствовала настроению маршала: был тёплый августовский день, в воздухе пахло чем-то сладким. Ясная погода стала основной причиной того, что Трухич отправился домой не на автомобиле, а пешком, к тому же он хотел развеять свои мрачные мысли.

Кандидат в члены ЦК СПР, первый заместитель наркома обороны маршал Трухич занимал трёхкомнатную квартиру на улице Серафимовича, дом 2. В его квартире было неуютно, маршал жил работой, дома бывал редко. Прекрасный строевик, отличный стрелок, великолепный гимнаст, бесподобный фехтовальщик. Женат он никогда не был - женщины интересовали его только как предмет удовлетворения физиологических потребностей, которые, надо сказать, возникали у него не так уж часто.

Трухич жил аскетом - в одной его комнате находились только рабочий стол, на котором высились стопки бумаг и лежали письменные принадлежности, стул, походная кровать и цветок на подоконнике. В двух других комнатах он устроил библиотеку, в которой собрал коллекцию трудов видных полководцев и стратегов. Единственный шкаф стоял в коридоре.

Трухич переоделся и поставил чайник, сел за стол на старый табурет. Ему хотелось вскочить на ноги, от досады громко заорать - матерно и нечленораздельно. Но не мог - прослушка.

"- Товарищ Трухич, вмешательство в испанский конфликт ведёт к войне со странами-участницами Европейского альянса. Линия партии не в том, что бы ввязываться в сомнительные авантюры. Вы что же, уклоняетесь от линии партии?"

Двадцатый день в Испании идёт гражданская война. Трухич рвался в бой и прямо сказал своему начальнику, наркому обороны, что нужно поддержать повстанцев оружием, боеприпасами, военными специалистами, а ещё лучше отправить воинский контингент.

Мануил Наримунтович был военным до мозга костей. Он жаждал большой войны. Потерпев поражение в войне с полякам шестнадцать лет назад, Трухич жаждал реванша.

Ему не давал покоя пример маленькой Франции, которая, едва оправившись от революции, поставила на колени всю Европу. Во многом потому, что у неё был Бонапарт. Русь же во много раз больше Франции и чем он, маршал Трухич, хуже Бонапарта?!

Всё началось во время войны с поляками. Трухичу требовались подкрепления для форсирования Вислы. И тогда главнокомандующий Красной армии Сергей Каменев приказал перебросить главные ударные силы Юго-Западного фронта под Варшаву, где решался исход войны. Но Нижерадзе, член военного совета, отказался исполнить приказ - он хотел взять Львов и доложить о своих успехах и даже не дал сообщить о приказе начальнику фронта, Евграфову.

Война была проиграна. Нижерадзе подо Львовым шальным снарядом оторвало голову и виновным в поражении называли Трухича. Он потерял доверие партии и был направлен на выполнение второстепенных задач.

А про Евграфова, наоборот, было сказано, что он проявил высокий воинский профессионализм и, если бы не поражение Трухича, то он точно бы взял Львов. Трухич счёл это неспра-

ведливым и затаил на соперника глубокую обиду. Он чувствовал себя обделённым должностями, наградами и вовсе не горел желанием подавлять какие-то восстания.

Чувство обиды и ненависти усилилось после смерти на операционном столе Михаила Ферзена - его преемником на посту наркомвоенмора стал никто иной, как тот самый Евграфов. Трухич получил подчинённую должность начальника главн...

Пронзительно завизжал чайник и Трухич резко вынырнул из воспоминаний. Он выключил чайник и потянулся за телефоном, который почему-то стоял на кухне.

"- Я сделаю то, что должен был сделать ещё одиннадцать лет назад."

Покрутив диск, маршал набрал номер, который был известен немногим. Через несколько гудков на другом конце сняли трубку.

- Товарищ Емелин у аппарата. - послышался на том конце мягкий баритон.

- Товарищ Емелин, с вами говорит маршал Трухич...

За сотни километров от Трухича, в Минске, был ещё один офицер, снедаемый злобой и завистью, который сыграет немаловажную роль в сюжете.

Командующий Минским военным округом ещё в самом начале революции был фаворе у вождя. Но своей необузданной жестокостью по отношению к "бывшим", иностранцам, буржуазии и всем недовольным новой властью, он смутил эти самые новые власти. Уборич потерял расположение Емелина и в феврале восемнадцатого был отправлен в Молдавию.

Он понимал, что перегнул палку, но не понимал, почему его опала длится так долго. Его держали вдалеке от высоких должностей, давая хоть и важные, но всё же второстепенные. Постепенно непонимание перерасло в обиду, обида перерасла в злобу, а злоба привела к ненависти.

В прошлом году четырём выдающимся военачальникам присвоили звания маршалов. Уборич не был в их числе, из-за чего вновь почувствовал себя обделённым.

Шестого августа жизнь начальника Минского военного округа, командарма 1-го ранга Иеронима Уборича сделала крутой поворот. Началу поворота положил звонок.

- Иероним Петрович? С вами говорит нарком обороны товарищ Евграфов. Не могли бы вы на этот неделе прибыть в Москву? Самолёт для перелёта мы вам обеспечим...

Граф Бордовский стоял на берегу острова Тиберина. Белую рубашку с расстегнутым воротом шевелил лёгкий ветерок, мундир лежал на большом валуне неподалёку. Перед ним на треноге стоял мольберт, а сам граф с натуры рисовал мост Святого Варфоломея. Он только приступил от моста к заднему плану, как на том берегу остановился фиолетовый "Rolls-Royce Phantom II" с флажком уже не существующего государства. Из задней двери выскочил майор Слыш и зорьким взглядом отыскал фигуру генерал-адъютанта, став синими флажками семафорить ему информацию, не предназначенную для чужих ушей.

Граф сразу заметил знакомую машину и повернул голову. Вняв информации, он быстро собрался и направился к своему маленькому катеру, на которой перебирался по Тибру.

- Володя срочно просит тебя явиться. - сообщил Слыш, когда граф переправился на берег и открыл переднюю дверь автомобиля. За рулём сидел майор Сухарин.

- Срочно? - граф нахмурился. - Они опять?

Слыш сокрушительно кивнул.

Глава пятая: беседа-1

Правительственная "эмка" притормозила у поста, въехала на территорию крепости и остановилась у Большого княжеского дворца. Лейтенант Жмурик любезно вызвался сопроводить Трофима до кабинета вождя.

Доведя Трофима до кабинета, Жмурик так же любезно растворился - не смотря на юный возраст, в нём чувствовалась старая школа.

Приёмная была маленьким, светлым помещением. Ближе к окну стоял журнальный столик из музейных запасников, вокруг него разместились диванчики для гостей. Вплотную к стене стоял большой книжный шкаф, под завязку набитой марксистской литературой.

Другой стол, рабочий, стоял у кабинета и в данный момент пустовал: Афоня Петров и Шура Матюков, доросшие до личных охранников Емелина, сидели на низких диванчиках по разные стороны стола и играли в сянги. Рядом с ними шумело радио, женский голос из которого вещал об XI Олимпийских играх.

Когда Трофим вошёл в кабинет, сидевший к нему лицом Шура кивнул, давая разрешение пересечь порог главы правительства.

Член политбюро и ЦК СПР, председатель Совнаркома Лев Данилович Емелин оказался таким же, каким его изображали на официальных портретах: среднего роста старик, превосходно сложенный для своего возраста, с седыми, но всё ещё густыми волосами, с седой клиновидной бородкой.

Одет он был в серые галифе, заправленные в узкие хромовые сапоги с высокими голенищами, и в старый, потёртый френч без знаков отличия.

Ему было шестьдесят семь лет, не на много младше Осипа Иванова, но для Осипа он всегда был несносным мальчишкой, выскочившим из ниоткуда, как чёрт из табакерки, и за каких-то несколько месяцев (!) вырвавший у него лидерство в русском социалистическом движении, которое Ося и собрал из разрозненных ячеек.

В дальнейшем их вражда превратилось в некое подобие дружбы, Емелин всегда уважительно относиться к Осипу, называл его своим учителем и ссылался на него в своих работах, но искорка уснувшей вражды ещё тлела между ними.

Емелин тепло приветствовал Трофима, пожал ему руку и заключили в объятия.

- Ну, Трошка, рассказывай, как сам?

Они сели напротив друг друга на стулья, диктатор и палач, два повязанных кровью жестоких человека, очень нежно относящиеся только к своим семьям. От голубых глаз палача веяло холодом, зелёные глаза диктатора извергали весёлые искорки.

- В Киеве человечек есть, Вася Блошкин, коллега твой. С самой революции врагов утилизирует и в ус не дуёт. Но подбирать людей, не в пример тебе, не умеет: одни сходят с ума, другие кончают с собой, третьи просто спиваются. Я с ним веду переписку, вот, прочти, это его последнее письмо.

Емелин достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Трофиму.

"Дорогой тов. Емелин!

Пишет вам начальник комендантского отдела административно-хозяйственного управления НКГБ РСФР майор госбезопасности тов. Василий Михайлович Блошкин. Сегодня потерял свой рабочий инструмент - пистолет системы "вальтер", как раз перед казнью врага народа молчаковца Горшакова. Ни у кого пистолета системы "вальтер" не оказалось, другим огнестрельным оружием как рабочим инструментом не пользуюсь, не удобно. Прошу вас, дорогой тов. Емелин, доставить мне новый пистолет системы "вальтер". На счёт врага народа молчаковца Горшакова не беспокойтесь, капитан госбезопасности тов. Пьяных предложил разбить ему голову кувалдой, что я и сделал. Запачкал кожаный фартук. Надеюсь, отстирается.

Так же докладываю вам, дорогой тов. Емелин, что капитан госбезопасности Пьяных вечно пьян. Звучит как каламбур и было бы очень смешно, если бы не было так печально. В застенках меня окружают одни пьяницы и шизофреники. Тов. Емелин, где старший майор госбезопасности тов. Галин находит себе пригодных для такой работы подходящих людей? Прошу найти и отправить ко мне подобных людей или, на худой конец, маньяков и садистов.

С социалистическим приветом начальник комендантского отдела административно-хозяйственного управления НКГБ РСФР майор госбезопасности тов. Блошкин."

- Интересный тип. - заключил Трофим, возвращая письмо. - Надо бы с ним встретиться. И зачем ты ему дал эту должность, если не хочешь переводить его в Москву?

Емелин пожал плечами.

- Надо ж его как-то поощрять, такие люди на вес золота.

Трофим взял со стола первую попавшую под руку газету и развернул её. Пробежав глазами заголовки, он удивлённо поднял брови.

- На днях умер император Франции?!

Емелин усмехнулся и повернулся лицом к окну.

- Рыжего Наполеона V добил сифилис, на троне теперь его молодой и неопытный сын, Наполеон VI, в Британии продолжается политический кризис вокруг короля и его личной жизни, в Испании гражданская война и на фоне всего этого часть военных и эти чёртовы законстеленные догматики хотят пойти войной на всю Европу и это притом, что только в течение следующих шести лет страна будет полностью готова к ней! Мы им объясняем, а они не в какую!

Трофим, услышав как Емелин назвал уважаемых партийцев, по-привычке замотал головой, но уже через секунду оскалился.

- Забыл, Данилыч, что твой кабинет, как и наши квартиры, прослушке не подлежат.

Емелин протянул ему сигареты. Закурили.

- Мы семья, Трошка. Тебя не заберут, но болтать опять-таки не советую, не так поймут. Я для страны и для них гений во плоти, что-то вроде святого или даже бога, но сейчас, слушая на партзаседаниях и заседаниях Совнаркома выступления оппозиционеров, я чувствую себя таким добрым королём, которого окружили злые бояре. Ну, не долго им осталось. Мой авторитет непререкаем, раз я сказал надо - значит, надо. Все эти оппозиционеры пойдут под нож как агенты империализма, которые толкаю свою Родину в бездну губительной для неё войны, что бы способствовать её поражению и оккупацией вражеской армией с целью расчленения РСФР и реставрации капитализма.

Трофим улыбнулся сквозь табачный дым.

- То есть, меня ждёт богатая жатва?

- Если враг не сдаётся, Трошка, то его уничтожают. Не обязательно в физическом, допустимо и даже желательно в моральном плане. Вспомни старую гвардию, которая в конце концов начала путаться у меня под ногами. Рыков, Бухарин, Томский, Радек - все они сидят на пенсии и бояться в лишний раз напомнить о себе. В общегосударственном смысле они, конечно, не враги, но в частном - ещё какие. Что же Трухича, то он высказал всё Евграфову, а тот передал всё мне... Сегодня-завтра Трухич встанет в оппозицию, став таким образом самым высокопоставленным оппозиционером и, не исключено, её лидером и знаменем. Через двенадцать дней, на пленуме, я сорву с него маршальские петлицы и отправлю руководить заштатным Приволжским военным округом. А будет бузить - пристрелим, как бешеного пса, без суда и следствия.

Трофим, не скрывая своего разочарования, тяжело вздохнул.

- Значит, жатвы не будет.

- Заладил, Трошка, будто и поговорить уже не о чем. Предлагаю сменить тему.

- А скажи мне, Данилыч, сам-то ты веришь в социализм, ради которого я положил на заклание биологического отца?

Емелин засмеялся и подавился дымом.

- Не смейся меня, Трошка. На самом деле я вижу в социализме легальный способ тотального контроля и абсолютной диктатуры.

- А эти, за дверью, нас не слышат?

- Стены звуконепроницаемые, даже если они будут специально прослушивать стены, то ничего не услышат.

- Слушай, не придешь завтра ко мне на ужин? Я как раз собирался готовить лазанью, да и дети давно не видели дедушку.

- С великим удовольствием, Трошка...

Перед тем, как вернуться в отел "Дессалин", подвыпивший Николай Иванович приказал взять его на стык улиц Племени Аррада и Семиста Папуасов, где стоял очень длинный (145 метров) двухэтажный дом номер пять, в котором размещалось с десятков посольств. Каждое посольство имеет свою лестницу на второй этаж. То есть, к примеру, на второй этаж посольства Перу вы попадаете только с первого этажа посольства Перу, с первого или второго этажа посольства, скажем, Мексики, вы не попадёте на второй этаж ни посольства Перу, ни посольства любого другого государства.

Странно то, что входы никто не охранял: заходи, кто хочет, бери, что хочешь. Николай Иванович беспрепятственно вошёл в здание.

Сквозь весь дом, как хребет, шёл коридор, с туалетом и ванной на обоих концах. Это родило кучу проблем и сотрудники посольств неоднократно просили свои правительства найти другое здание, но отношения с Гаити мало кого интересовали, так что просьбы не были услышаны.

По обоим сторонам коридора были двери. Каждому посольству отводился участок коридора длиной плюс/минус одиннадцать метров и коридор каждого посольства окрашивался в свой цвет. К примеру, у Испании это был оранжевый, у Франции - синий, у Перу зелёный, а коридор посольства Руси был окрашен в красный. И чем значимее было положение страны в мире, тем ближе её посольство располагалось к туалету и ванне. Да и в целом коридор этого посольского здания мало чем отличался от коридора обычного жилого дома или общежития: развешенное на бечевке бельё, коврики у дверей...

Николай Иванович не твёрдой походкой шёл по оранжевому коридору, как перед ним распахнулась дверь, выскочила, неистово матерясь на своём родном, прачка и с размаху кинула на пол бюст короля Амадеоса II из цветного фарфора, который разбился вдребезги. Вслед прачке выскочил напوماженный испанский посол и истерически закричал:

- Este es un regalo del propio rey!

В ответ прачка огрела его мокрым полотенцем по спине. Посол развернулся и с такой скоростью вбежал обратно, что за ним захлопнулась дверь.

Николай Иванович равнодушно прошёл мимо, под ногами хрустнули осколки фарфора. Вошедшая в раж прачка собиралась огреть мокрым полотенцем и бестактного незнакомца, но тот бросил на неё такой страшный взгляд, что прачка окаменела от ужаса.

Наконец, Николай Иванович добрался до русского посольства. Здесь очень сильно пахло кислой капустой, а на мешке с картошкой у одной из дверей сидел голый по пояс понурого вида мужик с лысой головой, седыми вислыми усами и тоскливо брэнчал на балалайке. На против него тоже была дверь, и к ней был приклеен лист бумаги, на котором на четырёх языках - русском, английском, французском, креольском - значилось: "тов. посол".

В приемной не было секретаря (или секретарши), но сам посол, Август Матвеевич Вильбоа, был на рабочем месте и работал с бумагами.

Вошедший без стука не удивил Августа Матвеевича, удивила его форма офицера госбезопасности, неожиданная в этой глуши. Посол сглотнул: визит офицера госбезопасности не предвещал ничего хорошего.

Николай Иванович подошёл к столу и наклонился к Августу Матвеевичу; того обдало запахом элитного алкоголя и дорогого шоколада.

- Август Матвеевич Вильбоа, как понимаю?

Август Матвеевич кивнул.

- Август Матвеевич Вильбоа... А не из тех ли вы Вильбоа, что составляют цвет бретонского дворянства?

Не успел посол открыть рот, как Николай Иванович очень громко стукнул кулаком по столу и заорал:

- Молчать!!!

И начал сверлить Августа Матвеевича взглядом. А надо сказать, что от прямого взгляда Николая Ивановича падали в обморок не только женщины, но и многие далеко не слабонервные мужчины.

- Август Матвеевич Вильбоа... "Бывший", значит. А не тот ли вы Вильбоа, что владел кондитерской "Remontel" на Баденской улице? Тот, тот. Никаких взглядов на политику не имел и не имеет, революцией при монархии не занимался, выходит, ты мерзкий приспособленец, попутчик...

Грозный шипящий голос и взгляд василиска заставили Августа Матвеевича вжаться в кресло, а в кабинете повисло напряжение.

- Знаешь, что у нас делают с попутчиками и "бывшими", которые не перевоспитались?

Август Матвеевич знал и начал медленно сползать с кресла.

- Депортировать тебя обратно было бы слишком милосердно. Мы отдадим местным. Они положат тебя в лодку, зажмут двумя досками и насильно будут кормить молоком и мёдом, чем мы их обязательно обеспечим. Ты будешь ходить под себя, в твоём дерьме заведутся личинки, которые будут жрать тебя заживо и ты умрешь в страшных муках...

Август Матвеевич тяжело рухнул под стол - Николай Иванович довёл его до инфаркта. Николай Иванович, вполне довольный собой и своей шуткой, пошёл обратно, насвистывая какой-то весёлый мотив.

Глава шестая: граф, принц, кардинал

Не успел майор Сухарин припарковать автомобиль, как граф Бордовский распахнул дверь и выскочил, побежав по ступеням Русского палаццо.

Когда двенадцать лет назад Кирилл I и его правительство в изгнании перебрались в Рим, они первоначально теснились в королевском Квиринальском дворце, пока королева-регент Ольга Владимировна вскоре не купила для нужд правительства виллу Фарнезина, а для Кирилла I и его семьи - палаццо Спада, очень быстро ставшее Русским палаццо.

Принц Володя, единственный сын и наследник Кирилла I, сидел на подоконнике второго этажа, прижавшись лбом к окну и закрыв глаза. На всё палаццо была слышна ругань между двумя супругами, которые и не думали понижать голос.

Граф Бордовский сел рядышком на подоконник и снял перчатки засунув их за пояс.

- Не умолкают, да?

Принц приоткрыл глаза.

- Мне-то что, уже двенадцать, а вот вот сестёр жаль, для них это может обернуться травмой. Между моими родителями уже давно нет любви, так к чему все эти сцены?

У графа был заранее заготовлен ответ на этот вопрос.

- Здесь уже задета честь. Измена - это такая штука, очень неприятная.

Тут подошли запыхавшиеся майоры Слыш и Сухарин. Граф сразу обратился к ним:

- Возьмите у Андрея десять тысяч лир, сводите принцесс в театр или цирк я не знаю, пусть только не слышат этого кошмара.

- Мои сестры у себя, с гувернанткой. - сказал Володя и поднял глаза к потолку.

Майоры отдали честь и удалились. Когда затихли шаги, Володя продолжил.

- Теперь я понимаю, почему ты именно мне пророчил занять престол поднявшейся из пепла Русской империи. Молодой, красивый, полный сил Владимир XVIII выгодно отличается от старого, изуродованного шрамом и проигравшего Гражданскую Кирилла I. Дядя, почему у тебя нет семьи?

- Императорский дом - моя семья.

Они замолчали. Первым, минут через пятнадцать, разомкнул уста Володя.

- Когда война была проиграна, многие нас покинули, остались только самые верные. А самым верным из самых верных оказался тот самый граф Бордовский, ставший фаворитом императора ещё до того, как император стал императором.

На это граф Бордовский усмехнулся.

- Не каждый друг суверена его фаворит, и не каждый фаворит - друг суверена. Когда-то давно мы с Кирой были друзьями, что говорится, не разлей вода, но ближе к концу войны я стал кем-то вроде подай-принеси: "- Мой верный граф, подай то; мой верный граф, принеси это.", этакий и не друг, и не враг, просто высокопоставленный секретарь. Ладно, отвезу тебя, как и планировалось, к королю Фоме, а то из-за финансовых трудностей у нас жрать нечего. А ещё это вопли!

Отвезя престолонаследника, граф Бордовский направил автомобиль за город, где он назначил встречу кардиналу Старградскому, причастность которого к грязным делам предоставил Форс. Давно следовало разобраться с личным капелланом императорской семьи, но до этого находились дела поважнее.

Маленькая деревушка в живописной местности далеко за пределами Рима. У местной церквушки с высокой колокольной уже стоял старенький серый "Fiat 501", хорошо знакомый графу.

Кардинал Старградский, не смотря на почтенный возраст, без особого труда забрался на колокольню и уже ждал графа. Этого был ничем особо не примечательный священнослужитель, в кардинальской мантии и кудрявой бородой, в выражении лица которого было что-то отталкивающие.

- Ты думаешь, нам не известно о проворачиваемых тобой махинациях с пожертвованиями твоей титульной церкви? - без предисловий начал граф.

- Во-первых: зачем нужны было тащиться в такую глушь и даль? - вопросом на вопрос ответил Старградский. - Во-вторых, ты хоть знаешь, какая из титульных церквей - моя?

- Санта-Мария-делла-Паче...

- Подготовился, урод. - с нескрываемым презрением перебил Старградский, чем вывел графа из себя - тот схватил кардинала за грудки, оторвал от пола и прижал к стене.

- Ты хоть понимаешь, что такие, как ты, подрывают авторитет нашей святой Римской церкви?!

Старградский лишь улыбнулся.

- Дурак ты. Римская церковь, как фундамент, монолит, скала, гранит, она нерушима, вечна!! Её не смогли изничтожить гонения римских императоров, нашествия варваров, византийское правление, антипапы, порнократия, симония, борьба за инвеституру, воинствующие гибеллины, кумовство, ереси, пощёчина в Ананьи, Авиньонское пленение, чума, Великий Западный раскол, nepotизм, Реформация, период технической и научной революции, наполеоновские войны, падение Папской области, крушение самой крупной католической страны, Римский вопрос. Её не смогли уничтожить такие одиозные и сомнительные личности, как Нерон, Диоклетиан, Дезидерий, Сергей III, Теофилакт Тусколо, Феодора, Марозия, Иоанны XI и XII, Бенедикт IX, Генрих IV, авиньонские папы, Людвиг Баварский, Филипп IV Красивый, антипапа Иоанн XXIII, Иннокентий VIII, Александр VI, Савонарола, Лютер, Кальвин, Генри VIII... О, список при желании можно продолжать очень долго и всё же католиков во всём мире больше миллиарда и их число продолжает расти. Кстати, о моральных авторитетах: тебе не приходило в голову, что Кирилл I должен быть застрелен?

От неожиданности граф отпустил кардинала и отшатнулся. Старградский, кряхтя, поднялся и отряхнулся.

- Также я заметил, что промышленно развитая северная Италия не шибко хочет тащить на своём горбу отсталую южную Италию, а отсталая южная Италия не горит желанием кормить промышленно развитую северную Италию. Хочу запатентовать идею о разделе Италии на Ита-

льянскую республику на севере (там издревле были сильны республиканские настроения) и Королевство Обеих Сицилий на юге, а Папскую область сделать разделительной чертой между ними. Да здравствует король Фернандо III Обеих Сицилий и...

Резкий удар в скулу прервал его монолог - Старградский отлетел к окну и едва не вывалился из него. Он попытался встать, но не смог, лишь вытер кровь с лица.

- Ты у меня ещё попляшешь, мерзкий поляк, я обладаю такими связями...

- Да ты что? А почему же тогда твой друг ещё с Польши, ставший главой нашей Святой Церкви, Акилле Ратти, назначил государственным секретарем не тебя, а монсеньора Пачелли? Или тогда ты ещё не оброс связями?

Старградский не ответил - граф попал в больное место.

- Слушай, я добрый католик и уважаю служителей церкви. - граф Бордовский присел рядом. - Но если кто-то угрожает моему императору - я зверею. Так что выбрось из головы дурные мысли и прекрати свои махинации.

Граф встал одним движением и собрался уходить, но следующие слова Старградского как будто пригвоздили его к полу:

- А ты думаешь, дала бы вам Ольга пристанище, знай, что ты лично убил её мать и сестёр, виновен в казни её отца, а действовал ты по приказу Кирилла и при его личном присутствии?

Старградский начал медленно подниматься, сначала на одно колено, потом во весь рост.

- Знаком ли тебе Фёдор Кабанов? Но разве гордый аристократ заметит рядового слугу! А Кабанов не рядовой слуга, он выжил со свинцом в груди. После попал в госпиталь, затем в Красную армию, далее в плен к белым, где решил принять монашество, стал капуцином. Оказался в Риме. Встретились у обелиска, оба русских, разговорились...

Граф Бордовский сделал очередное резкое движение: схватил правой рукой Старградского за горло, левой схватился за раму, и наполовину высунул его из окна, железной рукой сдавив горло.

- Кто ещё знает?!

- Граф, пощади...

- Кто ещё знает?!

- Только он и я... Ну, теперь и ты. - прохрипел Старградский. - Он девятнадцать лет не исповедовался, пока месяц назад не исповедовался мне... Прошу, пощади, не бери грех на душу...

- Пощадить тебя, кто не сохранил тайну исповеди?! - глаза графа метали молнии. - Адрес!

- Капуцинский монастырь Санта-Мария-делла-Кончеционе, на улице Виа Алано-ди-Пьяве... Отец Маттео... Ты узнаешь по большой родинке под левым виском... Прошу...

Граф дёрнул Старградского на себя и отбросил на каменный пол. Старградский скрючился и судорожно глотал воздух.

- Я и не собирался тебя вышвыривать из окна, слишком много свидетелей. Но если ты вздумаешь болтать, тебя ждёт незавидная участь...

Граф сел в автомобиль, положил руки на руль и наклонил голову - в отличие от спустившегося минут через десять после него Старградского, он уехал не сразу. Граф думал.

Граф Бордовский был искренне верующим человеком, но при этом имел склонность к убийствам и садизму. Две эти стороны вели в нём нескончаемую борьбу и действия его зависели от того, какая сторона в нём побежала. В тот день им завладела сторона верующего человека и он решил обойтись малой кровью - убить или Старградского, или Кабанова, но не обоих. Служители Бога, не стоит брать грех на душу понапрасну. Вот только кого именно убить?

Граф усмехнулся своим мыслям и завёл автомобиль. Он прекрасно знал, что вопрос "кого убить?" решён им ещё во время спуска с колокольни.

Из шифровки секретного агента лично наркому НКГБ Генриху Григорьевичу Малине:

"Сегодня, в одиннадцать двадцать две вечера по московскому времени, т.е. тридцать четыре минуты назад, прогремел взрыв в отеле "Роялист", погибших четверо: премьер-министр герцог Вильяморсо, военный министр генерал-лейтенант Луис Бермудес де Сарос-и-Риас, глава Генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенант Франсиско Франко, председатель Королевской Право-Католической партии герцог Примо де Ривера. Амадеос II, очевидная цель бомбистов, отделался царапинами и сильным шоком. В организации подозревают как левое правительство Испанской республики, так и правых карлистов.

Не стоит ожидать поддержки Испанской республики в колониях - тамошние администрации абсолютно лояльны короне.

Португальская республика под нажимом Британии отзывает признание Испанской республики и разрывает с ней дипломатические отношения.

Так же думаю вам будет интересно узнать, что толедский архиепископ кардинал Гома-и-Томес объявил крестовый поход против красных. Это напоминает события шестилетней давности, когда римский понтифик Пий XI объявил о Крестовом походе против нашей Родины..."

Глава седьмая: проблема германского консула

Герман Обербайтер проснулся ночью от неожиданно включенного электрического света. Он резко поднялся в кровати и через несколько секунд, когда его глаза привыкли к свету, он увидел перед собой Серого Барона - он сидел на стуле, закинув ногу на ногу, носком туфли поддевая свесившийся уголок одеяла. По обе стороны от него стояли два бугая с кирпичными лицами, направив на Обербайтера пистолет "Beretta M1934", с приделанными на их стволы ПББС.

- Извините за беспокойство, херр Герман, - нарочито-вежливо сказал Серый Барон и приподнял фетровую шляпу. - но в Тулу со своим самоваром не едут.

Обербайтер растеряно переводил взгляд с одной "беретты" на другую, и его растерянность сменилась страхом.

- Слышал, что немцы - пунктуальная нация, но, глядя на тебя, это не скажешь. Понимаешь, к чему я клоню?

Герман понимал. И от этого ему стало ещё страшнее.

- Вы хотите, что бы я отдал долг?

Серый Барон кивнул.

- Ты сам виноват, азартная твоя душа. Где деньги, херр Герман? Сами знаете, у нас говорят, что долг платежом красен. Срок вышел неделю назад. И за эту неделю ты ни разу не приходил к нам. Что? Скажешь, у торгового консула Священной Римской империи германской нации нашлись столь срочные дела, что он не смог выйти за двери посольства?

Герман побледнел.

- Может, дадите отыгаться?

- Не дам. Тогда ты точно не сможешь рассчитаться.

В комнате воцарилась тишина. Серый Барон думал.

- Миша, обыщи территорию.

Миша, обладавший поразительной для его габаритов скоростью, быстро, аккуратно и профессионально обшарил всю комнату, но ничего ценного в материальном плане не обнаружил.

- Ладно, херр Герман, даю тебе ещё два дня. Меня зовут Бароном, но на самом деле я король криминальной Москвы. У меня везде люди. Хотя одной ногой на вокзал - и ты в багажнике. Даже если случайно окажешься в аэропорту - ты в багажнике. Попытаешься удрать по трассе, угадай, где окажешься? Правильно, в багажнике. Ну посуди сам, херр Герман, если я достал тебя в твоём родном посольстве, то я достану тебя везде.

Серый Барон встал и принялся разглаживать складки на модном пиджаке.

- А что будет... когда я окажусь в багажнике?..

- Отвезем тебя к нам, будешь долг отрабатывать.

Серый Барон наклонился к Герману и заглянул тому в глаза. Глаза Барона тоже были серыми, с неприятным металлическим оттенком.

- Ведь за два дня ты не соберёшь двести тысяч восемьсот четыре дукатов золотом, верно? Зря ты согласился сюда приехать, ой зря. Пропал ты, херр Герман, пропал.

Свет отключился так же неожиданно и резко, как и включился, погрузив Германа теперь во тьму. Когда его глаза привыкли к ней, то в комнате он был один, лишь стул, стоящий не на своём месте, говорил о том, что всё это произошло наяву.

Обербайтер быстро оделся и спустился вниз, в гостиную. Антониус ван Дерас, посол, не спал, был одет в элегантный костюм-тройку, украшенный звездой ордена Святого Губерта, и в одиночку играл в бильярд. Увидев торгового консула, он легонько, одними только подкрученными усами, улыбнулся и спросил:

- Не спиться, да? Кстати, ты заметил, что свет во всём здании сам по себе включился, а затем выключился?

- От того и не сплю.

Герман подошёл к бару, налил себе рюмку шнапса и выпил залпом.

- У тебя не завалилось двести тысяч восемьсот четыре дукатов золотом?

Ван Дерас ловко пустил шар в лузу.

- Откуда? Тут даже взятки брать не у кого, живу на одну посольскую зарплату.

- Не подскажешь, где мне взять нужную сумму за два дня?

Ван Дерас передёрнул плечами.

- Коллега, ты крепко влип. Я тут полюбопытствовал, что люди говорят о Сером Бароне, так это тот человек, которому ты хочешь задолжать в последнюю очередь. Любые свои угрозы он приводит в исполнение без отсрочек. И плевать ему, что ты иностранный гражданин, что у тебя дипломатическая неприкосновенность.

В отчаянии Герман опустил на стул и схватился за голову. Воцарилась гнетущая тишина, прерываемая лишь громким стуком шаров друг от друга.

- Мой отец был таким женоненавистником, что когда в Нидерландах на престол взошла королева Вильгельмина, он продал свою прачечную и переехал в Дюссельдорф. И там с ним случилось чудо: он женился и кардинально поменял свои взгляды, став ярым сторонником феминизма. Твой отец отправил тебя в Москву, очень бедную на развлечения, надеялся на чудо, но чудо не произошло и нерадивый сынок просто сгинул на необъятных просторах Рутении.

- Ещё и нотации читает. - процедил сквозь зубы Герман. - Лучше б помог, не деньгами, так советом.

Ван Дерас отложил кий, облокотился спиной о бильярдный стол.

- Ну, я не знаю, иди в НКВД, ихнее министерство иностранных дел, или вообще в НКГБ, попроси помощи, раз в Регенсбурге твои запросы о переводе игнорируют.

На лице Германа блеснула надежда.

- А что ближе к посольству?

- НКГБ. Дежурные офицеры наверняка на месте. Ты собери все свои документы, а я разбужу Ганса.

Герман помчался вверх, а Ван Дерас потянулся и отправился будить Ганса, единственного шофера посольства.

Через шестнадцать минут (спросонья Ганс пару раз ошибся дорогой) Герман уже был на улице Дзержинского и решительно входил в подъезд дома номер два. Помахав перед носом вахтёра папкой со своими документами (паспорт, документы, подвергающие его должность торгового консула и деловую переписку с наркомом внешней торговли Розенгольцом), он потребовал вести себя к старшему дежурному офицеру.

Немецкий акцент гостя и его пухлая папка убедили вахтёра, который повёл его по лестницам и коридорам, затем оставил ждать у двери, а сам, постучавшись, вошёл.

Не прошло и минуты, как вахтёр вышел обратно и сказал, что капитан Волкодавов его ждёт.

Ждущий капитан Волкодавов сидел за своим массивным столом и вытирал кровь с кулаков. Когда Герман сел на стул напротив, спрятал тряпку в ящик стола и кисло улыбнулся.

- Капитан госбезопасности товарищ Волкодавов, я вас слушаю.

- Герман Отто Франц Людвиг Михаэль Вильгельм унд эдлер фон Обербайтер. - представился Герман и положил папку на стол, придавив её рукой. - Я торговый консул СРигн в РСФР. И говорить я буду только с наркомом.

- Та-а-ак. - протянул Волкодавов, не сводя глаз с папки. - В шесть утра нарком НКГБ генеральный комиссар госбезопасности товарищ Малина будет на своём рабочем месте, а пока можете скоротать время.

Он указал рукой на низкий зелёный диван. Герман чуть наклонился вперёд.

- Пойми, дело срочное, не может ли нарком прервать свой ночной отдых?

- Что в папке? - деловито спросил капитан Волкодавов.

- Скажу только товарищу наркому.

- Так, внимательно слушай, Миха. - обратился капитан Волкодавов к незваному гостю единственной частью его имени, которую запомнил. - Я же прям тут могу тебя арестовать, папку отобрать, и там (он показал пальцем на пол) ты всё мне скажешь...

Снисходительность и некое пренебрежение, с которым к нему относился нагловатый капитан Волкодавов, начала выводить Германа из себя. Он ещё ближе наклонился к дежурному офицеру и прошипел:

- На Колыму захотел, гнида?

Упоминание Колымы заставила капитана Волкодавова задуматься. С одной стороны, будить посреди ночи подчинённому грозного начальника было ой как опасно, но с другой стороны, упускать немца, который, вероятно, принёс важные сведения и секретные документы, было не менее опасно, можно было схлопотать понижение, а то и вовсе попасть в лагерь. Видя, что гость собирается уходить (хоть Ганс уехал, Герман решил как-то найти такси и добраться до НКВД), он схватился за трубку и принялся вертеть диск.

- Постойте, не уходите, я звоню.

Герман посмотрел на зеркало, висящее позади дежурного офицера. Из зеркала на него смотрело вытянутое лицо с зализанными на лысину жёлтыми волосами.

Капитан Волкодавов полторы минуты держал трубку у уха. На том конце не ответили. Положив трубку обратно, он поспешил успокоить Германа.

- Ничего страшного, я позвоню его первому заместителю комиссару госбезопасности 1-го ранга товарищу Перестроеву.

Товарищ Перестроев ответил спустя семь гудков.

- Георгий Еремеевич, звонит старший дежурный офицер капитан Волкодавов, к нам немец явился, с солидной папкой, говорит, что дело срочное, папку отдаст или вам, или товарищу наркому.

- Товарищ нарком трубку снял? - прогудела трубка.

- Никак нет, това...

- Немец говоришь? - перебила трубка. - Дались нам эти жирные нейтралы... Немец-перец-колбаса... Хотя постой, всё-таки вцепись в этого немца мертвой схваткой и не пущай. Буду через двадцать минут.

На том конце положили трубку.

- Будет через двадцать минут. - сообщил капитан Волкодавов Герману.

Герман на это лишь вздохнул.

Отрывок с сокращениями из Большой Русской энциклопедии:

"Священная Римская империя германской нации <...> воссоздана на Венском конгрессе по инициативе русского императора Владимира XIII и шведского кронпринца Карла-Юхана как вечно нейтральное государство, буфер между Францией и Русью <...> конституционная монархия, конституция принята в 1816 году <...> федерация, состоит из девяти королевств, семи великих герцогств, шести герцогств, девяти фюрств (княжеств), пяти вольных городов, императорского города-округа <...> император избирается собранной специально для проведения этих выборов палатой в составе короля Австрии, короля Баварии, короля Богемии, короля Вюртемберга, короля Ганновера, короля Пруссии, великого герцога Баденского, великого герцога Гессен-Кассельского, великого герцога Ольденбургского, архиепископа Кёльнского, архиепископа Майнского, архиепископа Трирского <...> императором может быть избран любой правящий монарх субъекта федерации вне зависимости от вероисповедания, в возрасте от двадцати пяти лет <...> столицей страны является императорский город-округ Регенсбург..."

Глава восьмая: беседа-2

Трофим Галин занимал целый особняк на Малой Никитинской, в котором жил вместе с двумя детьми и прислугой из девяти человек.

Чёрный ЗиЕ-101 привёз Емелина в семь вечера. Вождь был не один - автомобиль вёл начальник его личной охраны майор госбезопасности Николай Власьев. Емелин отдал Власьеву приказ забрать его в десять и отправился к особняку один, так как прекрасно знал, что Трофим не терпит незваных гостей.

Стол ломился от деликатесов. Трофим Галин был в разводе, жена не выдержала, когда узнала, что замужем за палачом. Вместе с его семьей и Емелиным за столом сидела няня его детей, Клавдия Филипповна, которая особенно налегала на ананасы и венгерскую колбасу. Она считалась членом семьи и поэтому ей было многое позволено и многое простительно. К примеру, в этот вечер она выпила стопку-другую водки. Мужчины алкоголь не пили - Трофим из-за слабого здоровья, Емелин не пил в силу принципа.

Незаметно время подошло к десяти вечера. Дети были отправлены спать и застолье мужчины продолжили наедине.

Впрочем, назвать это застольем было бы не верно. Трофим подождал, пока две горничные уберут со стола, и, достав из кармана бумажный пакетик с костяшками домино, взялся сооружать из них башню. Емелин расхаживал вдоль стола с чашкой горячего молока, время от времени отхлёбывая понемногу.

- У меня к тебе дело, Данилыч. Так сказать, личное.

- А я думал, что ты просто соскучился по своему старику. - пошутил Емелин.

- Одно другому не мешает. Так вот, я предлагаю расширить расстрельные списки. До десяти тысяч человек.

Предложи ему подобное кто-нибудь другой, даже нарком НКГБ Малина, Емелин бы, несомненно, подавился, но он хорошо знал Трофима и ещё лучше знал, чего от него ждать. Так что он дошёл до края стола, повернул обратно и буднично спросил:

- Разве есть на это причины?

- Сам посуди. Разборчивость в арестах сильно тормозит работу органов госбезопасности. Меры физического воздействия применяются не ко всем, что снижает эффективность допросов.

- Эффективность? Может, ты хотел сказать "эффектность"?

- Одно другому не мешает. С одним провозимся, с другим. Не знаю, может, государству большой доход от штрафов за дачу ложных показаний, но грядет война, итогом которой будет судьба нашего личного благосостояния. Я-то птица невысокого полёта, смогу просочиться сквозь цепкие пальцы оккупационной администрации, но вот тебя, Данилыч, они

точно повесят. И вместо того, что бы прочесать страну жёсткой металлической щёткой и вычистить всех подозрительных, а ты сидишь, попиваешь молочко и миндальничаешь. Брать надо в охапку всех подозрительных и расстреливать семьями. И начать я советую с политической элиты. Они тебя, вне всяких сомнений, уважают, но не боятся. А раз не боятся, то запросто могут предать тебя и пойти на сговор со врагом ради захвата власти.

Емелин ещё раз прошёлся вдоль стола и обратно.

- Зачем расстреливать партийную элиту? Если не в оппозиции - пусть работают. Что касается страха, я нагнал на них жути сфабрикованными делами Кирова и Хрущёва, которые ещё очень свежи в памяти номенклатуры. Кроме того, Трошка, у меня нет сомнений в своей легитимности. Кто был инициатором революции? Лев Данилович Емелин. Кто роздал землю крестьянам? Лев Данилович Емелин. Кто...

- Землю, конечно, ты им дал. Но потом ты же её и забрал. Думаешь, они просили тебе коллективизацию? - перебил Трофим.

На лице Емелина не дрогнул ни один мускул. Он спокойно отпил ещё глоток.

- Кто пошёл в колхоз? Бедняки. Им-то терять нечего. Потом часть середняков подтянулась. А кулаки и остальные середняки? Раскулачены и пополнили лагеря. ДРС - дармовая рабочая сила. Не стоит списывать со счетов и мощную пропагандистскую машину. Кино, литература, театр, радио - всё работает на меня и во благо мне. Культ личности, которые безостановочно идёт уже восемнадцать лет. Мне нечего бояться и органы это подтвердят.

Трофим одним щелчком разрушил башню и принялся строить новую.

- Ладно, поверю, что количество внутренних врагов у нас так мало, что их и не стоит считать. Ну а что ты скажешь про врагов внешних?

- Вижу, к чему ты клонишь. Но если врага поймали, скажем, в сибирской тундре, ну не везти ж его через всю страну только потому, что одному старшему майору приспичило лично его пристрелить! Сам ты ведь в тундру не полетишь.

- А что он забыл в сибирской тундре?

Емелин пожал плечами.

- Эка его занесло. Но если тебе так хочется крови, то возьми ружьё, иди в лес, и убей кого-нибудь. Животных, я имею в виду животных.

- Я не просто убиваю, Данилыч, я забираю души. А у животных её нет.

В доме повисла тишина. Лишь тикали часы, да на кухне мыли посуду.

- Трошка, у меня к тебе тоже дело, личное. Я вижу тебя своим преемником.

Рука, взявшая очередную костяшку, застала в воздухе. Через мгновение Трофим совладал с собой, вогрузил костяшку и поднял холодные глаза.

- Меня: палача, "бывшего" - в преемники?!

- Да. Положи свой пистолет на полку, уволься из органов. Затем избирайся в ЦИК и станешь наркомом. Мне уже седьмой десяток, никто не знает, сколько мне осталось, а я хочу, чтобы после меня во главе партии и государства встал не чужой мне человек.

В холодных глазах старшего майора блеснуло негодование. Как-то, не отдавая себе отчёт, он перешёл на зловещий шёпот.

- Ты думаешь, что я забуду зов крови и облачусь в строгий костюм? Нет. Я политикой не интересуюсь и наркомом не стану.

Емелин сморщился, как будто съел лимон.

- Думаешь, у меня руки по локоть чистые? В белых перчатках революцию не сделаешь, в войне не победишь. Не по лаковому паркету - по костям идём. Значит, не хочешь быть наркомом?

- Не хочу и не буду.

Емелин резко остановился по середине стола.

- Я ведь могу не попросить, а приказать, и в морду дать, если потребуется. Хочешь расширить расстрельные списки - нет проблем, сам же их и откроешь. Не хочешь быть наркомом - не хоти! Но на своём месте ты надолго не останешься, отправлю тебя в конце августа торговым консулом в Либерию.

- А где эта Либерия? - вяло спросил Трофим.

- В жопе мира. - Емелин поставил чашку на стол. - Молоко остыло. Да и пора мне. Спасибо за хлеб-соль, Трошка, до встречи.

- Можешь, останешься, поздно уже?

Емелин на это покачал головой.

Трофим проводил гостя до автомобиля, на прощание сунув в карман Емелина мандарин. На этом и распрощались.

Трофим нервно ходил по своей спальне из угла в угол. В руках он держал телефон, об провод которого он пару раз спотыкался.

- Ау, Петрович? Ага, тебе того же. Я вот по какому поводу звоню: есть ли такая страна, Либерией звать?.. Есть, да?.. А кто там сейчас от нас торговый консул? Что? Не расслышал... Вообще не установлены? Во дела! Почему интересуюсь? Да так, сегодня контрик мне впарывал, что он торговый консул в Либерии. Мы ему, конечно, не поверили, но интересно стало. Ага, до связи.

Глава девятая: с мечтою о стратократии

Вдоль липовой аллеи, ведущей к каменному одноэтажному дому конца XVIII века, выстроенному в стиле классицизма, прогуливались двое военных.

До революции усадьба принадлежала графине Салтыковой, а после Гражданской войны оказалась никому не нужной и заброшенной. В таких местах не стоит беспокоиться о лишних свидетелях и скрытых устройствах прослушки, и Трухич об этом прекрасно знал.

Собеседником маршала был его старый друг, командарм второго ранга Игорь Николаевич Гнездинский, человек, обладавший густыми тёмными волосами с начёсом синеватого оттенка, с пулевым ранением на правой щеке, носивший по причине близорукости небольшое серебряное пенсе. На почтительном расстоянии следовали их шофёры, они же осведомители НКГБ, от которых избавиться без серьезных последствий было никак нельзя. Малина обо всём доложил Емелину, что двое высокопоставленных военных почему-то отправились за город. Всё бы ничего, но один из этих военных - явный оппозиционер. Уж не замышляют ли заговор? Но вождь был спокоен: он не сомневался в лояльности Гнездинского и был уверен, что тот сможет убедить боевого товарища признать свои ошибки и вернуться к линии партии.

Трухич и Гнездинский стали друзьями ещё до революции. Оба в прошлом офицеры императорской армии, оба дворяне из древних и захудалых родов, Трухич - из литовского, Гнездинский - из польского. Они познакомились в первом Владимирском Императорицы Катерины Карловны (супруга императора Владимира XIII) кадетском корпусе, сдружились, но после их пути разошлись: Трухич поступил в Константиновское военное училище, а Гнездинский - в военное училище имени графа Петра Ласси. Часто виделись до и после занятий, а через некоторое время после окончания своих училищ добровольцами отправились на Сербскую войну, в добровольческий интернациональный полк под командованием полковника (впоследствии генерал-майора) Гёттева.

Трухич, правда, повоевал не долго - уже в следующем году попал в плен. На Родину он бежал только после пятой попытки и оказался в столице перед самым началом революции. И первым делом встретился с другом.

Гнездинский воевал дольше, и быстро дорос до капитана, в то время как Трухич, почти всю войну томившийся в плену, так и остался поручиком. Шла тяжёлая окопная война, однообразие сильно тяготило и молодой офицер случайно наткнулся на марксистскую литературу и,

как говорится, подцепил заразу. Не смотря на хорошие перспективы (был представлен к чину майора и боевому сербскому ордену Белого Орла IV степени с мечами), Гнездинский попросил о переводе, не вдаваясь в подробности. Летом 1916 он года вернулся во Владимире-на-Клязьме и был принят командовать ротой 1-го военного корпуса генерала от инфантерии Николая Фундаменты.

При встрече Гнездинский упомянул, что теперь он социалист и не собирается возвращаться в добровольцы. Трухич лишь посмеялся, он не интересовался политикой, только войной. Но вернуться на фронт не успел - грянула революция. Гнездинский сразу же её поддержал и принял активное участие в создании новой, красной, армии. Трухич колебался не больше суток и быстро "покраснел".

Гражданская война развела их дороги и вновь соединила в 1921 году, во время Польской войны, на которой Гнездинский командовал армией, а Трухич был его начальником, командовал фронтом.

В 1929 году переведенный из Константинополя Гнездинский стал соседом Трухича в доме номер два по улице Серафимовича - Игорь Николаевич получил повышение и был назначен командующим московского военного округа.

Они дошли до резной скамейки и сели. Шофёры встали в сторонке и закурили, то и дело поглядывая на подопечных.

Гнездинский достал из внутреннего кармана плоскую продолговатую фляжку из слоновой кости, украшенную россыпью мелких рубинов, откупорил, отпил немного, и протянул Трухичу.

- Откуда у тебя сия роскошь?

- Помнишь, в 1927 году я по-секрету тебе рассказывал, что по заданию Коминтерна летал в Кампалу и встречался с Поллитом? Тогда ещё британские шахтёры бастовали. Напомню, что официально я не покидал не то что страну, но и Александрград, равно как и Поллит формально оставался в Лондоне. Мы провели встречу в небольшом особнячке принца Муйинды, после чего разъехались. Утром прилетели, ночью улетели. Это всё тебе я рассказал ещё девять лет назад. Но я рассказал тебе не всё. Принц Муйинда не любит британцев (ещё бы, они поработили его страну), а я ему почему-то понравился (загадочная африканская душа!) и он подарил вот эту флягу, принадлежавшую его деду. Но если бы этим делом и ограничилось...

Солнце выглянуло из-за тучи, которая своими очертаниями отдалённо напоминала парашют. Рубины засияли и уже в который раз вызвали у Гнездинского ассоциацию с каплями крови на белых перчатках.

- Ночью я вылетел с обозом - самолёт был под завязку забит вениками, слоновой костью, масками, бронзовыми статуэтками, был даже золотой скипетр с неограниченным изумрудом короля Нколе, который каким-то образом оказался у нечистого на руку принца.

Пока Игорь Николаевич говорил, Трухич приложился к фляге и не совсем понял, что сейчас выпил. Дождавшись паузы, он спросил:

- Ну и что это?

- Мубиси, по-нашему банановое пиво, лучше хвалёного немецкого на 28 градусов. Пристрастился к нему в Кампале, а здесь мне его из-под полы достаёт один друг из НКВД. Так вот, я вывез из Кампалы много добра и не хило наварился на нём вместе с помощником, лётчиком и механиком. Но нас кто-то сдал.

- Так вот зачем тебя в дом номер два на улице Дзержинского вызывали.

- Ага. Я думал всё, конец, но нет, карьеру сохранил. Отделался выговором, отдал всё нажитое спекуляцией на нужды Александрградского отдела ОГПУ. Моё дело замяли, а мои "коллеги" получили двадцать лет лагерей.

- Занимательная история, Игорёк, но я пригласил тебя...

- Я догадался, зачем ты меня пригласил. Именно поэтому я и рассказал тебе эту, как ты выразился, "занимательную историю". Я был там. Я видел камеры, которые были рассчитаны на двенадцать человек, а сидело в ней девяносто и это притом, что больше половины камер пустовало. Я видел забитых, сломленных людей, которым не давали спать сутками, травили собаками, без малейшего сожаления лишали рассудка, не давали сменить положение в течение долгого времени. Туда входили людьми, а выходили безгласными рабами, без надежды на справедливость, милосердие и свободу.

Трухич собирался что-то сказать, но Гнездинский остановил его жестом.

- Не перебивай меня. Слушай. Ты там не был, тебя не пугали. Тебе нечего терять, а у меня жена, двое детей. Что бы мне ни предложил, мой ответ "нет".

Гнездинский встал, собираясь уходить, но Трухич его остановил.

- Ты же прекрасно знаешь, что если меня арестуют, они в любом случае придут и за тобой.

- Знаю. Поэтому намерен действовать на опережение.

- Сядь, дружище. Просто дай мне тебя убедить.

Гнездинский сел, достал из кармана носовой платок и принялся чистить носок левого сапога.

- Не понимаю, Менни. Тебе сорок четыре, ты имеешь высшее воинское звание, ты первый заместитель наркома обороны, ну чего тебе не хватает?!

Лицо Трухича исказилось, он отхлебнул сразу два больших глотка.

- Я проиграл тогда, под Варшавой. И с пор жил с позором, шестнадцать лет жил мечтой о реванше. Ждал, что власть развяжет новую войну, в которой я восстановлю свою честь. Но сейчас я понял: власть всеми силами будет увиливать от войны, и не намерен больше ждать. Я формирую заговор с целью свержения с постов Емелина, Евграфова и всех тех, кто встанет против нас.

- И как ты намерен их свергнуть? Хотя не говори, я всё равно не соглашусь. Твой переворот увенчается успехом - я рад за тебя. Провалится - мою семью не тронут.

- Не тронут? Забыл, как два года назад Емелин разгромил Александрградскую и Московскую партийные организации? Тогда не просто расстреляли и пересажали две трети горкома и обкома во главе с Кировым и Хрущёвым. Пришли за их семьёй, друзьями, коллегами. Если в двадцатые годы Емелин и терпел самомнение, то после свёртывания НЭПа он скатился в тоталитаризм. Вопрос о моём аресте уже решён, а человек я замкнутый, мало общительный, друг у меня один - ты. Если не будем действовать прямо сейчас, они придут и за твоей семьёй.

Гнездинский молчал, думал. Трухич не мешал ему, любясь блеском рубинов на свету. На правом нижнем углу он разглядел надпись: "Kwa rafiki yangu Igor Gnezdinsky".

- Что от меня требуется?

Трухич мысленно улыбнулся: друг созрел.

- Во-первых, нам нужен свой человек в наркомате госбезопасности, само собой разумеется. Не мелкая сошка, а крупный начальник. Ты человек, в отличие от меня, общительный, лёгкий на подъем, у тебя должны быть связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.